

Дежё Винце

Боксер и его борьба

Памяти Ханы Сенеш

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ференц Байер

Мэри

Янош

Лайош

Действие происходит в 1995 году.

Лето, вторая половина дня. Квартира семьи Байеров, Будапешт

Когда занавес поднимается, Ференц и Мэри сидят у стола. Мэри что-то шьет, Ференц – под глазом у него синяк, на лбу полоска пластыря – читает книгу. В гостиной – живописный беспорядок (диван, шкаф, стол, стулья, две полки с книгами, магнитофон, телефон и т. д.). Вокруг – горшки с цветами. На стенах, кроме одного оригинального полотна, большие цветные репродукции картин Ван Гога. Ференц – высокий, крепко сложенный мужчина тридцати пяти лет; одет в тренировочный костюм. Мэри – очень стройная молодая женщина двадцати семи лет; на ней обтягивающая кофточка и брюки. Время – ближе к вечеру. С улицы доносится шум проезжающих машин. После того как поднимается занавес, Мэри встает, подходит к магнитофону и включает его (звучит «большая» соль-минорная симфония Моцарта), потом садится и продолжает шить. Сделав несколько стежков, снова подходит к магнитофону, выключает его. Ференц поднимает глаза от книги, потом читает дальше. Мэри выглядит встревоженной, она явно не находит себе места. Она садится, снова принимается шить.

МЭРИ (стараясь говорить спокойно) Ты бы поговорил с Дюри Ковачем, вдруг тебя опять возьмут. Может, позвонишь ему?

ФЕРЕНЦ (кладет книгу на стол; раздраженно) Нет, нет и нет! Сколько тебе объяснять: если ходить на работу, то где я возьму время и силы на две тренировки каждый день, да еще на утреннюю пробежку?.. Во всяком случае, так, чтобы мне самому этого было достаточно...

МЭРИ Я, конечно, не очень в этом разбираюсь, но, по-моему, ты тренируешься слишком много... (После небольшой паузы; обиженно) Ну ладно, если ты ни за что не хочешь устраиваться на работу, я настаивать не буду.

ФЕРЕНЦ Знаю, ты считаешь, я эгоист, но пойми: я должен чувствовать, что все сделал, чтобы добиться успеха.

МЭРИ (откладывает шитье; с упреком) Вон Лайош рад бы тебя поддержать, но ты и с ним разругался. Если бы не твои родители, даже не знаю, как бы мы жили... Не перебивай! Зарботков у тебя, можно сказать, никаких, те несчастные гроши, за участие в соревнованиях – что это для нас?! Ведь на твое «правильное» питание, на витамины, на всякие «чудо-средства» столько денег приходится тратить; а теперь – еще и психолог этот... (Вскакивает и взволнованно ходит туда-сюда)

ФЕРЕНЦ Надеюсь, смогу вернуть родителям деньги, с процентами... Уже скоро.

МЭРИ (язвительно) «Уже скоро, уже скоро»... Какой смысл во всем этом, скажи!

ФЕРЕНЦ Понимаю, ты мне не веришь уже... Ну да, были два нокдауна, потому что... в плохом нервном состоянии был. Но...

МЭРИ (грубо прерывает его) Но это после того, как ты кучу денег психологу заплатил!

ФЕРЕНЦ Можно и так сказать... И все равно, я чувствую: еще немного – и буду в полной форме. И спонсора удастся найти, да и деньги за бои все растут. Может, года через три и брошу вызов чемпиону Европы, а там, глядишь, и какому-нибудь чемпиону мира.

МЭРИ (нервно смеется) Я, конечно, рада, что ты такой оптимист... что в облаках витаешь. Тебе, кажется, когда-то сулили блестящую карьеру, – только зачем ты в девятнадцать лет сделал такой перерыв?

ФЕРЕНЦ Я тебе сколько раз говорил: например, Арчи Мур и в сорок восемь был лучшим в своем весе... (*Чувствуется, что он одергивает себя: есть что-то, о чем он не может или не хочет говорить жене*) А Мюнхен... а мюнхенская поездка тут ни при чем!

МЭРИ Эх, опять ты не говоришь правду! (*После небольшой паузы*) В этом году и отец твой выходит на пенсию, дальше они не смогут нам помогать, даже наоборот, нам придется для них что-то делать, при нынешних-то жалких пенсиях. Не продавать же им ради тебя свой дрезденский дом?! У моих родителей зарплата вообще смешная... Сейчас, через пять лет после смены режима, прилично зарабатывает только кучка самых ловких. Есть прохиндеи, которые вообще лопатой деньги гребут, а большинство...

ФЕРЕНЦ (*с досадой перебивает ее*) Хватит тебе причитать! (*Встает со стула*) Дай мне еще год! Если не пойдет, обещаю: все брошу... (*Короткая пауза; решительно*) Но я чувствую, что пойдет! Чувствую, потому что должно пойти!..

МЭРИ (*набирает в грудь воздуха и кричит нервно*) А что б ты сказал, если бы я поклялась: стану знаменитой балериной, плевать мне на семью, я только о танцах думаю!.. Не перебивай меня! Брошу работу, и пускай кругом безработица, пускай Будапешт полон нищими!.. Да что Будапешт – вся Венгрия! Только не повторяй мне, как попугай, что, даже самая плохая демократия лучше, чем самая лучшая диктатура!

ФЕРЕНЦ Не собираюсь я повторять ничего такого... И прошу тебя, давай закончим этот спор! (*Бросает взгляд на часы*) Мне пора – на тренировку. (*После небольшой паузы*) Грета сколько еще пробудет у твоих родителей?

МЭРИ (*не сбавляя тона*) Не знаю! У меня давно терпение кончилось, а ты сколько лет подряд все про бокс и про бокс! Ешь, спишь да на тренировки ходишь; ну, еще бои смотришь на видео... (*Продолжает с тем же напором*) О нас совсем забыл... Даже когда ты дома, все равно Мухаммед Али тебе интересней, чем собственная дочь! У дедушки с бабушкой она куда больше тепла получает, чем дома. (*Садится на стул*)

ФЕРЕНЦ Я очень, очень дочку люблю. И тебя, тебя тоже люблю очень.

Короткая пауза. Ференц включает магнитофон, снова звучит «большая» соль-минорная симфония. Он хочет поцеловать жену, которая опять склонилась над шитьем, но та одергивает голову.

ФЕРЕНЦ (*тихо и ласково*) Ну не сердись!.. (*Берет пластиковый пакет; снова смотрит на часы*) Ух, бежать надо!

МЭРИ (*ледяным тоном*) Твой бандаж, весь в крови, я постирала, в ванной он, сохнет.

ФЕРЕНЦ Спасибо.

МЭРИ (*тем же тоном*) Носки, трусы – все в шкафу.

Звучит негромкая музыка. Ференц складывает свое снаряжение в пакет

ФЕРЕНЦ (*громко*) Я ушел, пока!

МЭРИ (*надувшись*) Пока!

Ференц уходит. Мэри бросает шитье на стол, втыкает иголку в ткань, вскакивает, спешит к телефону, открывает телефонную книгу, поднимает трубку и набирает номер. Ждет.

МЭРИ Привет, Янош! Я твой голос узнала. Это – Мэри. Мэри Байер. Что ты говоришь?.. Да... Только что ушел... Ага... Хорошо... Да... Привет... (*Кладет трубку*)

Встав перед зеркалом, висящим на стене, торопливо наводит красоту, потом спешит в туалет, затем в ванную комнату. Через пару минут возвращается в гостиную. Беспокойно ходит туда-сюда, время от времени выглядывая в окно. Наконец раздается дверной звонок. Мэри выключает магнитофон, подбегает к двери, распахивает ее. В дверном проеме появляется Янош, хорошо сложенный мужчина сорока пяти лет (типичный представитель «великого поколения»). На нем – футболка и джинсы; на футболке – изображение Джими Хендрикса, самозабвенно склонившегося над гитарой.

ЯНОШ (*вместо приветствия поет рефрен знаменитой песни Рикки Нельсона*) «Hello, Mary Lou!». Вот он я, примчался на трамвае желания...

МЭРИ (*вполголоса, торопливо*) Привет! Ну заходи уже...

ЯНОШ (*изображая стойку «смирно»*) Слушаюсь! (*По-военному перешагнув порог, закрывает за собой дверь*)

МЭРИ Неплохо сегодня на улице натопили... (*Закрывает дверь на ключ*) Прямо лето.

Янош пытается поцеловать Мэри, но та не дается.

ЯНОШ (*весело*) Вот уж точно, милая, прямо жара! (*Принюхивается к Мэри*) Ух ты, какой запах роскошный, прямо кровь быстрее бежит!.. (*Глубоко вдыхает аромат духов; после небольшой паузы, еще в прихожей, продолжает*) Целый день как на иголках сидел, твоего звонка ждал, золотце ты мое. А Ольге я соврал, что звонил коллега, Золтан Кульчар из Ференцвароша, просил забежать к нему в школу, хочет поговорить, что я думаю насчет олимпиады по физике...

Входит в гостиную и закрывает за собой дверь

ЯНОШ Правда же, я хитроумный? Чисто Одиссей...

МЭРИ (*в ней все еще бурлит обида*) Я ему все высказала, прежде чем он ушел. Он думает, я буду тихо себе терпеть, что бы он ни вытворял... Сколько лет у него в голове только бокс!.. Дошло до того, что он работу бросил. Да еще, можешь себе представить,

из-за этой политики дурацкой с лучшим другом своим поспорил, который – успешный предприниматель, строитель...

ЯНОШ *(пытается остановить ее)* Сейчас будет подозрительная поездка в Мюнхен, прогулка по берегам речки Изар... Сколько можно про это рассказывать?

МЭРИ Извини!.. *(Со слезами в голосе)* Боже мой, но я же чувствую, есть какая-то связь между той поездкой и тем, что он снова занялся боксом!.. Ведь так не бывает, чтобы человека в тридцать два года к спорту вдруг потянуло! Он, конечно, все отрицает...

ЯНОШ А сам-то он что говорил, когда в Мюнхен собрался? *(Ухмыляется)* Может, хотел в Английском саду опрокинуть пару кружек ячменного пива за счет Акоша Добоша?

МЭРИ Да чушь какую-то нес... И до того, и после. И с тех пор продолжает... А кто такой этот Акош Добош?

ЯНОШ В восьмидесятые годы он вел программу «Вечернее randevu» на радио Свободная Европа. Вел, правда, блестяще... И часто повторял: если кого-нибудь отсюда, из нашего «самого веселого барака», занесет в Мюнхен, пускай приходит к нему, он угостит земляка парой кружек настоящего баварского пива, которое пахнет, как свежеиспеченный каравай.

МЭРИ *(не реагируя на слова Яноша)* А когда вернулся из Мюнхена, сказал, что решил снова заняться боксом; и очень скоро даже работу свою бросил... Можно поверить, что это случайное совпадение? Он считает, одно к другому никакого отношения не имеет. А я не верю!.. *(Короткая пауза)* Иногда он целыми неделями ко мне не прикасается... Потому что вечером – еле живой от усталости... А рано утром надо на пробежку. А я, в своем поношенном платьишке, должна оставаться верной женошкой... *(Топает ногой)* Ну уж нет!

ЯНОШ Короче, тебе это надоело... *(Как бы между делом)* А чего тебе с ним не развестись? *(Страхивает с футболки какую-то соринку)*

МЭРИ *(с трудом собирается с мыслями)* Ну... из-за Греты, например... А еще ... я его все еще люблю... И, может... даже не знаю... *(Тяжело вздыхает; видно, что ее раздирают противоречивые чувства)*

ЯНОШ А ты никогда не слыхала, что баба всегда одолеет мужика, если она спокойна, а он на стены лезет... Так что возьми себя в руки, и – тихой сапой, тихой сапой...

МЭРИ Ох, только бы его на ринге не отколотили до полусмерти!

ЯНОШ Или – так, что родная мать не узнает.

Тишина. По щеке Мэри катится слеза. Янош замечает это

ЯНОШ *(показывая на слезу)* Слеза на твоём лице... Бобби Соло!

Янош напевает (между прочим, прекрасно) несколько строк из шлягера «Una lacrima sul viso»; Мэри смахивает слезу

ЯНОШ (*оглядывая гостиную*) Прямо какое-то жильё хиппи! Все вперемешку... А что, мне нравится! Не хватает только пары-другой живых хиппи, каких-нибудь сумасшедших чудиков, парней и девчонок... И чтоб на футболке у каждого – «Занимайтесь любовью, а не войной!»

МЭРИ (*показывает на футболку Яноша*) Или, скажем, Джими Хендрикс исполняет соло на гитаре.

ЯНОШ Тоже хорошая мысль. У кого взяла?

С улыбкой переглядываются. Тишина

ЯНОШ Что для тебя Барток или Моцарт, для меня – Джими Хендрикс... Один мой дядя был в Вудстоке, на том знаменитом рок-фестивале, где каждый любил каждого, в 69-м. Малыш, говорил он мне, рассказывать про Вудсток тому, кто там не был, это все равно, что слепому рассказывать о цветах...

ПРОЕКЦИЯ НА ЭКРАНЕ: Джими Хендрикс в Вудстоке

МЭРИ (*со сдержанным восторгом*) Он в самом деле там был?

ЯНОШ Ну да... Причем – вот же негодяй! – клянется, что Хендрикс во время выступления ему подмигнул. Точно, точно... Представляешь, как я ему завидовал?

МЭРИ Но как же твой дядя, в 1969-м, отсюда, из Венгрии, ухитрился попасть в Вудсток?

ЯНОШ Его отец тогда служил в Вашингтоне, в венгерском посольстве, и вся семья там с ним жила... (*После небольшой паузы*) За три года дядя объездил – автостопом или на своих двоих – чуть ли не все Штаты. (*Декламирует несколько строк из стихотворения Алена Гинзберга «Вопль»*) «...в восхищённых воспоминаниях бесчисленных девчонок ложившихся с ним на пустых стоянках и задних дворах закусочных, шатких рядах кинотеатров, на вершинах гор в пещерах ...» (*После небольшой паузы. Почтительно, с грустной интонацией*) Доктор Золтан Тёрёчик умер десять лет тому назад. Умер от передозировки героина, как Дженис Джоплин: он тоже протащил себя через безумную вальпургиеву ночь, прежде чем вознестя из лихорадочных наслаждений страсти в солнечные высоты созерцания... Прожил тридцать семь лет. (*Несколько минут тишины*) К сожалению, до смены режима, до ликвидации железного занавеса и сноса Берлинской стены, до независимости Венгрии он уже не дожил. Хотя кто-кто, а он-то по-настоящему смог бы эти вещи оценить... с его любовью к свободе!

МЭРИ Он что, врачом был?

ЯНОШ (*с двусмысленной ухмылкой*) Ну, его хобби была скорее гинекология... Как я уже дал понять, не одну дюжину барышень он вылечил от врожденной девственности. Но если без шуток, он был дипломированный юрист...

МЭРИ Дети у него были?

ЯНОШ О семи детях мы знаем... Им, если даже ребенок один, я всегда в качестве приветствия говорю: «Сервудсток». Когда-то я тоже неплохо на бас-гитаре тренькал ... *(Имитирует игру на гитаре)*... И даже пел. Был у нас в конце шестидесятых – начале семидесятых ансамбль «виртуозов». Когда мы выступали, люди понимающие, думаю, немалые муки испытывали... конечно, если не смывались еще при первых звуках. Чаше всего мы играли во всяких забегаловках на окраине... Правда, один раз, единственный, удалось добиться выступления в молодежном парке. Играли мы перед тем, как на сцену вышел действительно прекрасный оркестр, «Огненное колесо». А цербер будайского молодежного парка, парень по имени Райнак, когда увидел мою шевелюру, похожую на водопад, стал звать меня – Янош «Хаир»... *(Поет песню «Aquarius» из мюзикла «Волосы»)* Ух, славные, сумасшедшие были времена! *(Цитирует Джека Керуака)* «Наши дети когда-нибудь будут смотреть с удивлением на эти снимки, думая, что их родители жили гладко, упорядоченно, в стабильных-жизнях-на-фото, и они вставали утром, чтобы гордо идти по тротуарам жизни, не догадываясь об улётном безумии и бунте наших действительных жизней, о нашей настоящей ночи, об её аде, о бессмысленной кошмарной дороге...»

МЭРИ *(все более успокаиваясь)* Ишь ты, какие вещи выясняются!.. Я и не знала, что ты был музыкантом.

ЯНОШ Во время вьетнамской войны наша группа, о которой я говорил, стала называться «Сайгон». *(Подражая Эдриану Кронауэру из фильма)* Дооооброе утро, Вьетнам!!

МЭРИ *(вздрагивает)* Ты чего орешь! Ты же не дома! И не во Вьетнаме...

ЯНОШ *(улыбается во весь рот)* Да и я в общем-то не Эдриан Кронауэр... Прости.

МЭРИ *(бросает взгляд на часы)* Хорошо еще, что соседей нет дома.

ЯНОШ Последний раз я брал гитару в руки в 1972-м. Черт, как давно!.. Но знаменитые сольные номера короля гитары, который умер двадцать пять лет назад ... *(снова имитирует игру на гитаре)* ... и сейчас слушаю, раскрыв рот. *(Показывает на портрет Хендрикса на своей футболке)* Если бы этот «чародей», этот черный Орфей появился в этой комнате и огляделся, ух, как бы ему здесь понравилось... *(Широким жестом обводит вокруг себя)* Этот живописный беспорядок! Столько ароматных цветов! «Flower Power!» Yeah! *(Смотрит на репродукции)* А какие картинки! Блеск!... Ван Гог... Этого даже я знаю.

МЭРИ Мы их прошлым летом купили.

ЯНОШ А эта – тоже неплоха... *(Показывает на полотно, висящее на почетном месте)* Это ведь оригинал, да? Кто это рисовал?

МЭРИ Дедушка ... Ференца, из Дрездена.

ЯНОШ Все-таки не хватает мне Энди Уорхола! Если не ошибаюсь, это ведь он сказал: «До тех пор, пока мою фотографию дают на обложке журнала, меня не заботит, что обо мне пишут на 96-й странице». *(Через секунду спохватывается)* Ой, нет!.. Постой-ка... Ага! Это же Мик Джаггер ... *(Подражая характерным жестам Джаггера, поет)* «I can't get no satisfaction...»

Пауза

МЭРИ А девочки как?

ЯНОШ *(с отеческой любовью, улыбаясь и стуча согнутым пальцем по столешнице)* Слава Богу, такие живчики, такие... Мать с ними едва справляется... *(Понизив голос)*... А отец – и того хуже.

Они переглядываются с улыбкой

ЯНОШ Что ты хочешь: поздние дети, избалованы донельзя... Ну, пускай резвятся, лишь бы были здоровы! *(После небольшой паузы)* Иногда я им тоже рассказываю про «добрые старые времена»... А еще, знаешь, какое-то невероятное любопытство у них, у всех четырех, появилось к птицам. Еще станут орнитологами, когда вырастут... Можешь себе представить: в одной семье – аж четыре орнитолога! С ума сойти! Потребовали кучу книг им купить про птиц. И вечно пристают к матери, чтобы читала им. Иногда и я читаю... *(С хитрой улыбкой)* А знаешь, какая моя любимая птица? Не лебедь, не чайка, даже не дикая утка...

МЭРИ А кто?

ЯНОШ Как кто? Аист!

МЭРИ *(с быстрой улыбкой)* Столько детей – не удивительно.

ЯНОШ Надеюсь, что кукушонка среди них нет!

МЭРИ Дёндьвер в сентябре уже в школу пойдет, так ведь?

ЯНОШ О, да, да... Мы ей и ранец уже купили... *(Придвигается к Мэри)*

МЭРИ Наверное, я буду их учить.

ЯНОШ *(с некоторым нетерпением)* Что ж... это было бы хорошо! Лучшей учительницы пения не могу и представить... Ну, а теперь, после стольких разговоров, давай, может, ближе к делу? *(Поет из репертуара рок-группы The Doors)* «Come on, baby, light my fire!»

МЭРИ *(отстраняется)* Я такая взвинченная была!.. Хорошо было немного поболтать.

ЯНОШ Мне тоже... *(Смотрит на часы)* Но... время бежит... Расскажу все-таки коротенько. Когда я аттестат зрелости получил – это в 68-м было, – несколько дней провел в Праге... *(Замолкает; немного поколебавшись, говорит)* Коротко не выйдет; потом, в следующий раз...

МЭРИ Нет-нет, рассказывай дальше, мне интересно! Значит, 68-й, Прага...

ЯНОШ Ну вот... ну вот... *(Подыскивает слова)* Я там в основном на девчонок смотрел: хотелось как можно ближе пощупать этот... «социализм с человеческим лицом», даже, если получится, ммм... покопаться в нем. Ну просто очень хотелось... В следующий раз расскажу больше!

МЭРИ *(чувствуется, что она пытается тянуть время)* Может, кофе сварить?

ЯНОШ Кофе? Ни в коем случае! Эта ароматная черная жидкость снижает мужскую силу. А вот если бы чуть-чуть коньяка... *(Цокает языком)* Вот что поднимает «боевой дух». Ну, это так, шутка! Вообще-то я обедал, уха и котлеты, запивал соком. А на десерт будешь ты, сладкая моя!

Янош пытается обнять и поцеловать Мэри, но та, словно придя в себя, отталкивает его и отпрыгивает в сторону

ЯНОШ Черт возьми, да что с тобой?!

МЭРИ (*запинаясь*) Я никогда еще мужу не изменяла ... и сейчас... просто чтоб отомстить... (*Замолкает; короткая пауза*) Не сердись! Наверно, не смогу я.

ЯНОШ Тогда, может, чуть попозже, а?

МЭРИ (*в ужасе машет руками*) Ой, нет, нет!

ЯНОШ А ведь в школе, в кабинете – Шаму свидетель – ты себя совсем другому вела! Ты прямо заигрывала со мной, после того как душу мне открыла. Да и вчера, когда мы на площади Москвы случайно встретились...

МЭРИ (*перебивает Яноша; на лице ее – отчаяние*) Вчера... вчера у меня в самом деле были такие мысли... И сегодня, когда звонила тебе, мол, можно, приходи... Очень мне кстати пришлось твои ухаживания: я на все была готова ... (*Вздыхает*) Нет у меня больше сил смотреть на то, что Ференц делает... Но... нет, поняла я, прости, не получится у нас с тобой, не могу!..

ЯНОШ (*делая вид, будто сдался*) Что ж, жаль. Тебе бы тоже понравилось... (*Подходит ближе к Мэри*) Ну, нет, так нет... (*Продолжает приближаться к Мэри, напевая что-то из репертуара Beatles: «Can't Buy Me Love»*)

Мэри, и о чем не подозревая, подпускает Яноша близко к себе. Тот, прервав пение, внезапно обнимает ее

ЯНОШ Говорю же: я – как Одиссей... Ну да, этикету я не при дворе учился.

Пытается снять с нее кофточку

МЭРИ (*отбиваясь*) Эй, эй!.. Ты что?!.

ЯНОШ Помогаю тебе...

МЭРИ (*изо всех сил вырывается*) Перестань сейчас же!.. Отпусти!..

ЯНОШ ...раздеваться, радость моя...

МЭРИ Задушишь же...

ЯНОШ ... и заодно избавлю от комплексов!

МЭРИ Скотина!..

ЯНОШ (*сорвав с нее кофточку, бросает на диван. Со страстью*) Много чудес на свете, но ничего нет чудесней твоей груди!

МЭРИ (*ей удается вырваться*) Нет! Не могу!

ЯНОШ Ты такая... потрясающая... Прямо Мэрилин Монро! *(Короткая пауза. Янош быстро стаскивает с себя одежду; на нем – только трусы и носки)* Если в жеребце самое ценное – сила, то в кобыле – стройность.

Мэри убегает и оказывается по другую сторону стола

ЯНОШ *(в возбуждении)* Счастье мое!..

МЭРИ Ни за что!

ЯНОШ Олень во время осеннего гона не хочет олениху так сильно, как я тебя!

Отшвырнув в сторону стол, Янош хватает Мэри; она отчаянно сопротивляется.

МЭРИ Убери руки!..

ЯНОШ Обожаю...

МЭРИ Прекрати!

ЯНОШ... таких...

МЭРИ Отпусти сейчас же!

ЯНОШ ... диких кошек!

Янош бросает Мэри на ковер

МЭРИ *(падая)* Ой!.. Ты еще пожалеешь!

Борются. Мэри кричит, умоляет отпустить ее (импровизированный текст); с губ Яноша также срываются, между поцелуями, полные похоти возгласы (также импровизация); он пытается снять с нее брюки и трусы. Борьба достигает апогея. С обоих льется пот. Внезапно раздается звонок в дверь. Оба замирают, потом вскакивают на ноги

ЯНОШ *(бросает взгляд на часы. Задыхаясь, вполголоса)* Ах ты, твою... Это что?.. Неужто муж?

МЭРИ *(вполголоса, измученно)* Он же – к вечеру только... *(Торопливо натягивает кофточку)*

Минута растерянной тишины. Они поднимают стол, ставят на него то, что на нем было, придвигают стулья. Звонок повторяется

МЭРИ (*кричит, обернувшись к двери*) Иду, иду уже!.. Минутку! (*Шепотом Яношу*) Иди в ванную! (*Открыв дверь гостиной, показывает, где дверь в ванную. Потом снова кричит*) Уже иду!

Тишина. Янош надевает сандалии, подхватывает сброшенную одежду в охапку, убегает в ванную и закрывает за собой дверь. Мэри спускает воду в туалете, поправляет одежду, волосы и спешит к входной двери

МЭРИ (*на ходу*) Иду, иду... Открываю уже!

Тишина. Подойдя к двери, Мэри смотрит в глазок, замирает на мгновение, потом поворачивает ключ. Входит Ференц

МЭРИ (*через силу*) Привет... Это ты?

ФЕРЕНЦ Я уж думал, ты никогда не откроешь...

МЭРИ (*пытается скрыть растерянность*) Я в туалете была... Потом... руки мыла.

ФЕРЕНЦ А чего ты такая потная?

МЭРИ Жара же дикая...

ФЕРЕНЦ (*ни о чем не подозревая*) Голову ты мне задурила, я даже капу забыл взять. Из-за коронавируса теперь без капы на ринг не пускают.

МЭРИ Прости...

ФЕРЕНЦ Так что сегодня я попозже вернусь.

Они стоят в прихожей

МЭРИ (*на лице у нее потерянная, бледная улыбка*) Ну да... Ладно...

ФЕРЕНЦ В ванной, видно, остался, когда я его промывал... (*Открывает дверь ванной*)

Мэри стоит оцепенев, с застывшей улыбкой на губах. Немая сцена: тишина перед бурей. В ванной – согнувшийся Янош; он уже в футболке, но джинсы еще не успел надеть. Ференц ошеломлен, не знает что сказать, только лицо его дергается. Мэри на деревянных ногах идет в гостиную. Янош выходит из ванной и протягивает Ференцу руку.

ЯНОШ Приветствую... (*На лице у него – искусственная улыбка*)

ФЕРЕНЦ (*закипает яростью; смотрит на Яноша, сверкая глазами, готовый его ударить*) Ты еще руку... мне!..

Янош непроизвольно поднимает локти, загоразживая лицо

ФЕРЕНЦ (*немного придя в себя*) Вон отсюда!.. Уноси свою шкуру, пока я не... (*Показывает на Мэри*) И шлюху эту с собой забирай! Убирайтесь оба! (*С такой злостью пинает дверь ванной, что после этого какое-то время прихрамывает*)

Напряженная тишина. Ференц, прихрамывая, уходит в гостиную, садится на стул. Янош, с джинсами под мышкой, убегает из квартиры

ФЕРЕНЦ (*боль в ноге помогает ему справиться с яростью*) У-у-у... Такого мне и в голову бы не пришло... Будто без этого у меня проблем нет... (*Бьет кулаком по столу*)

МЭРИ (*ломает руки; голос у нее дрожит*) Ладно... ладно... Соберу вещи... и уйду. Но знай, ты тоже виноват! Может, потом как-нибудь поговорим спокойно...

ФЕРЕНЦ (*кричит*) Плевать мне, кто виноват!.. Убирайся! Чтоб духу твоего не было!.. (*Снова бьет кулаком по столу; понизив голос*) После такого... попробуй вот сосредоточиться, о спорте думать... (*Медленно поднимается со стула*)

МЭРИ (*почти плача*) Нет, не могу сейчас собраться... Потом... (*Уходит*)

ФЕРЕНЦ «О женщины, вам имя – вероломство!» (*Тишина. Воздев руки, Ференц поднимает вверх искаженное болью лицо*) Господи Боже мой! Великий, милосердный!.. (*Голос его срывается. Ференц падает на диван и прячет лицо в ладони*)

Мертвая тишина; через несколько минут раздается звонок в дверь

ФЕРЕНЦ (*сердито кричит*) Открыто!

Тишина. Входит Лайош, через прихожую идет в гостиную. Ему, как и Ференцу, примерно тридцать пять лет; по тому, как он одет, видно, что он далеко не нищий

ЛАЙОШ (*немного смущенно*) Привет, Фери!.. Привет, старина!.. Я мимо шел... Дай, думаю, загляну. Мы тут ресторан строим, поблизости, недалеко от стадиона Фради...

Ференц медленно поворачивает голову к Лайошу

ЛАЙОШ Рад, что застал тебя дома... Я надеюсь... надеюсь, ты уже не сердишься на меня так сильно... Я тогда многовато выпил... Ну, прошлым летом, помнишь?.. И слишком настойчиво пытался тебя переубедить... (*Немного помолчав, говорит*

решительным тоном) Не хочу, чтобы чертова политика эта разрушила нашу старинную дружбу!

Тишина

ФЕРЕНЦ (*лежит на диване, потом садится; по лицу его, обращенному к публике, видно, что он не таит обиду на Лайоша*) Я тут Мэри застал только что... В общем, оказывается: пока меня дома нет, с ней тут хлыщ один развлекается, коллега ее... (*Помолчав, со злостью и горечью*) Ничего мне в этой гребаной жизни не удастся!.. (*Голос его дрожит и прерывается*) Ты можешь это понять, Лайош? Ни-че-го!.. (*Другим тоном*) Сядь уже куда-нибудь, что ли!

ЛАЙОШ (*стараясь скрыть изумление; в голосе его – сочувствие и жалость*) Даже предположить о ней такого не мог... (*Тишина. Лайош ставит один из стульев напротив дивана, поворачивая его к Ференцу, и садится. Он в задумчивости: ему очень хочется как-то утешить друга, но на ум приходят одни банальности, поэтому он переводит разговор на другую тему*) Мне тут пришло в голову: у вас, наверно, с деньгами не очень хорошо... Я знаю, ты дважды уходил с ринга побитым.

ФЕРЕНЦ Слишком близко к сердцу я все принимаю... Правда, с помощью психолога я уже начал немного приходить в норму. Так тут вот теперь моя «драгоценная»... Но... нет, все равно я не сдамся! (*Низко склонив голову, подпирает ее ладонью*)

ЛАЙОШ Вот это уже другое дело! Фери, ты же знаешь, я всегда тебе помогу, чем смогу. (*После небольшой паузы*) Мне тут намеренно попал в руки номер «Непшпорт»... Давний совсем, пожелтевший. (*Делает характерный жест: бьет кулаком в воздух*) «Если человек способен наносить такие мощные удары и если он так молод, на ринге его ждет триумф!» Помнишь, что это?

ФЕРЕНЦ (*поднимает голову, смотрит на Лайоша; постепенно воодушевляясь, говорит*) Еще бы мне не помнить! Это – подпись под фотографией, а на фотографии...

ЛАЙОШ (*перебивает его*) И ты до сих пор такой же! И ты до сих пор не старей, ты же сам это знаешь, старина!

ФЕРЕНЦ Спасибо, дружище! Вижу, ты на моей стороне... А фото это появилось после того, как я победил в Корее...

ЛАЙОШ В 77-м, в товарищеском турнире, когда на ринг вышли молодые боксеры из соцстран. Старина, я все помню!

ФЕРЕНЦ А помнишь, как в Пхеньяне, на всемирных соревнованиях, я победил нынешнего чемпиона мира в среднем весе?

ЛАЙОШ (*с улыбкой*) Да, теперь вспоминаю.

ФЕРЕНЦ Александра Кузнецова, который сегодня живет в Австралии, а тогда выступал в советской форме. В полуфинале мы с ним оказались лицом к лицу, и мне удалось послать его в нокаут во втором раунде...

ЛАЙОШ (*вопросительно смотрит на друга*) Тебе было девятнадцать... Почему ты тогда бросил спорт?

ФЕРЕНЦ Почему я бросил бокс?.. *(Небольшая пауза)* Надоело все время следить за весом. К тому же увлекся поэзией. Сам начал писать... Теперь-то я понимаю уже, база у меня была не ахти какая... Дилетантство, в общем... Ну, и захотел поступить на филфак... Да, и еще: ты наверняка помнишь, тогда я сильно повредил руку – из-за этого даже не смог начать подготовку к московской олимпиаде... Это в общем и подтолкнуло меня к такому решению...

ЛАЙОШ Да, помню, конечно, как не помнить... Ты и стихи свои мне показывал. А еще перевел на венгерский «Ночную песню странника» Гете и «Лорелею» Гейне... Ну и что? При всем том ты ведь был, как говорится, боксер от Бога! Помнишь, великий Лаци Папп, венгр с динамитными кулаками, предсказывал тебе феерическое будущее? После того как ты играючи победил на чемпионате Европы для юношей!

ФЕРЕНЦ *(с загоревшимися глазами)* Ну, что касается... В общем, я даже теперь, земную жизнь пройдя наполовину, все еще надеюсь, что гигант ринга, ростом 165 см, не ошибался. Я чертовски в это верю! *(После минутной паузы)* С этого сентября мной обещал заняться наш «академик» профессионального бокса, Йожеф Надь. Это тот, о ком с таким уважением говорил в одном интервью сам Мухаммед Али ...

ЛАЙОШ Да?

ФЕРЕНЦ Да, Мухаммед Али.

ЛАЙОШ «Черный супермен»... эээ

НА ЭКРАНЕ: 8-Й РАУНД БОЯ МЕЖДУ АЛИ И ФОРМАНОМ

ФЕРЕНЦ Еще насчет Йожефа Нады: в 56-м, после разгрома революции, он уехал в Америку, в Нью-Йорк, а пару лет назад вернулся. За свою карьеру он поставил на ноги великого Шугара Рея Риверу, одного из самых знаменитых боксеров всех времен. Но работал он и с Джо Багнером, с Роберто Дураном, мастером ближнего боя, и с виртуозом бокса из Ганы, Азумой Нельсоном... Он тоже видит во мне большие возможности... Кстати, у меня теперь новый менеджер! Дело в том, что были определенные проблемы с выбором противника, с менеджментом...

ЛАЙОШ Вперед, Фери!.. Чуть не сказал: Фради...

ФЕРЕНЦ Часто мне снится один и тот же сон: в Нью-Йорке, в Мэдисон-сквер-гардене, в этом святилище бокса, после двенадцати раундов адского боя судья на ринге поднимает мою руку, и мне вручают пояс чемпиона мира... Ради чего я тружусь день за днем, обливаясь кровавым потом? Ради того, чтобы сон этот в один прекрасный день стал явью... *(Вскидывает руку, стиснутую в кулак)* Хочу стать чемпионом мира в среднем весе! Причем не среди любителей, а в лиге профессионалов... Как ты считаешь, я совсем сошел с ума?!

ЛАЙОШ Люблю «сумасшедших», которые хотят невозможного... Я с тобой, брат!

ФЕРЕНЦ *(взволнованно ерошит себе волосы)* Так вот... До сих пор я только психологу рассказал ту дикую... ту кошмарную вещь... ту историю.

ЛАЙОШ Ты о чем?

Тишина. Лайош с любопытством ждет продолжения; Ференц же размышляет, рассказывать ли. Тем временем в квартиру входит, с заплаканными глазами, Мэри. На звук открывшейся двери обращает внимание лишь Лайош; когда Мэри появляется в гостиной, оба, Лайош и Ференц, оборачиваются к ней.

ЛАЙОШ *(тоном давней дружбы)* Привет, Мэри!

МЭРИ *(удивляется, увидев Лайоша. С натянутой улыбкой)* Здравствуй, Лайош...

Неловкая тишина

МЭРИ *(обращаясь к Ференцу; с виноватым выражением, с трудом подбирая слова)* Мне очень жаль... Я хочу, чтобы ты знал: не было тут ничего...

ФЕРЕНЦ *(не смотрит на нее. Стараясь сдержать злость)* Что тут было, я знаю... Или по крайней мере догадываюсь. А чего не было, меня не интересует!

МЭРИ *(сконфуженно оглядывается на Лайоша; с трудом пересиливая себя, произносит)* Скажу понятнее: не легла я с ним...

ФЕРЕНЦ *(к злости примешивается язвительность)* Потому что я вернулся некстати? Или, может, вы – стоя, а?!

МЭРИ Я впервые попыталась тебе изменить... С досады... Но когда дошло до дела, поняла, что ничего не получится...

ФЕРЕНЦ Я с Лайошем разговариваю... И если можно, хотел бы с глазу на глаз. *(И тут же, всплыв, кричит)* Повторяю: с глазу на глаз!

МЭРИ Жизнью дочери нашей клянусь: я правду сказала! Я никогда тебе не изменяла, ни с кем. Никогда и ни с кем! А теперь – чуть было не согрешила... Но от всей души сожалею! Дай мне сказать пару слов в свое оправдание!..

ФЕРЕНЦ Пару слов?.. Ладно, тренировка сегодня все равно накрылась, так что времени у меня – куча. Думаю, Лайош тоже никуда не спешит...

ЛАЙОШ О, на меня не смотрите... *(Встает)* Пока вы тут разговариваете, я пойду прогуляюсь; вернусь так через полчаса.

ФЕРЕНЦ *(нервно вскакивает)* Никуда ты не пойдешь! Сядь и сиди!.. *(Берет Лайоша за локоть и заставляет его сесть; потом и сам садится на диван)*

МЭРИ *(Ференцу, который слушает ее, нахмурившись)* Я одно хочу еще сказать: тебя будто подменили, когда ты вернулся из Мюнхена... Совсем другим человеком приехал... Но объяснения связного я от тебя так и не услышала, ты все время уходил от разговора. И жизнь наша наперекосяк пошла... Ни веселья прежнего, ни душевности – ничего в тебе не осталось... И я почувствовала себя совсем несчастной... *(Едва удерживается, чтобы не расплакаться)* Да еще безденежье, которое на нас навалилось... *(В голосе ее – слезы)* А что хуже всего – ты на нас с Гретой перестал обращать внимание... *(Беззвучно плачет)* Вот мне и пришла в голову эта идиотская мысль... *(Закрывает руками лицо)*

Ференц сидит, опустив голову. Напряженная тишина. Затем он смотрит на Лайоша – и с этой минуты говорит, обращаясь только к нему. Мэри какое-то время ходит, не находя себе места

ФЕРЕНЦ (*произносит каждое слово медленно и весомо*) Мне пришлось обратиться к психологу, и до этого момента я только ему рассказал о том, что узнал... Хотя история эта самым тесным образом связана с главным кошмаром нашего века... с тем смерчем ненависти, зверства, нетерпимости, который пронесся по Европе... Я имею в виду Холокост. Родителям своим того, что мне случилось узнать, я не стал ничего рассказывать: решил их пощадить! У матери и без того нервы никуда... Да и для отца это было бы слишком... А с Мэри я этим не делился потому... (*Умолкает, не закончив фразу. Следующие несколько слов, после короткой паузы, произносит громко и очень быстро*) Ни с ней, ни с другими. Кроме психолога, ни с кем. (*Делает глубокий вдох*) С чего же начать?.. (*Напряженная тишина. Ференц собирается с мыслями*) Ты ведь знаешь, что моя мать – еврейка?

ЛАЙОШ (*кивает; затем, через короткое время, говорит*) А отец – по рождению немец.

ФЕРЕНЦ Родители мои познакомились на берегу Эльбы, в Дрездене... Мама училась там на искусствоведа, диплом получила в Высшей школе изобразительных искусств.

ЛАЙОШ Дипломную работу писала о Джованни Сегантини.

ФЕРЕНЦ Все-то ты знаешь.

ЛАЙОШ А отец твой жил в Дрездене...

ФЕРЕНЦ В общем, они полюбили друг друга, но мать ни за что не хотела оставаться за границей, и они поселились в городе верности, в Шопроне... Папа там венгерский выучил.

ЛАЙОШ По-венгерски он говорит в совершенстве!

ФЕРЕНЦ Потому что мамочку мою любит больше жизни. Отец мамы, Мор Клейн, который Первую мировую отслужил в ранге лейтенанта – под Добердо сражался, в Галиции воевал – как стопроцентный венгр, – во время Второй мировой погиб на Дону: попал в трудовой батальон, как человек второго сорта... (*Немного помолчав; голос его полон скорби*) Почти сто тысяч венгров – евреев и неевреев – погибли там, в излучине Дона, в ходе советского контрнаступления, в январе 43-го...

ЛАЙОШ Да, я читал книгу Иштвана Немешкюрти, «Реквием»... Ужасная трагедия!

ФЕРЕНЦ А бабушка моя по матери закончила жизнь в нацистском лагере...

ЛАЙОШ (*сочувственно*) Об этом ты мне не рассказывал.

ФЕРЕНЦ Послушай дальше! (*Тишина. Он сосредоточенно думает*) Нацисты не считали евреев людьми. Смотрели на них как на вредоносных существ, которых надо уничтожать... Сотнями заталкивали их в вагоны и увозили, без еды и питья, среди вонючих ведер с испражнениями, в концентрационные лагеря... Как они смели вынести такой приговор целому народу?! 15-го июня 1944 года, проведя несколько дней в скотском вагоне, измученные, полуживые, мать и бабушка высаживаются на перрон концлагеря Освенцим, где эсэсовец – может быть, это был сам доктор Менгеле?

– производит отбор, и по жесту его руки обе отходят направо... Это означает: те, кто находится справа, еще получают крохотную возможность жить, выполняя рабский труд, прежде чем их отведут в газовую камеру.

НА ЭКРАНЕ: ОСВЕНЦИМ

ЛАЙОШ Ужас!

ФЕРЕНЦ Из Освенцима они попадают в Лангенбилау...

ЛАЙОШ В Лангенбилау?

ФЕРЕНЦ Да, в Лангенбилау... Это недалеко от Бреслау, нынешнего Вроцлава. Там они работают на военном заводе. Вернее, на ткацкой фабрике...

Скорбная тишина. Мэри подходит и садится рядом с Ференцем

ФЕРЕНЦ (*борется со слезами; едва может говорить*) Дорогая мамочка моя каким-то чудом выжила в этом лабиринте смерти, построенном бездушными зверями, одетыми в человеческую одежду... И после неописуемых страданий вернулась в Будапешт, где о ней самоотверженно заботились родственники, сестра моего дедушки и ее муж. Эту квартиру мы получили от них в наследство; это были бескорыстные, удивительные люди. Мамочка моя вообще-то из Хатвана...

ЛАЙОШ Да, знаю, ты как-то показал из машины дом, в котором она родилась.

ФЕРЕНЦ Да, в самом деле, помню... Ее родители были люди очень трудолюбивые, работа спорилась у них в руках, но, как большинству евреев, им едва хватало на жизнь...

ЛАЙОШ То есть... это не более чем миф, что евреи – люди богатые.

ФЕРЕНЦ Об этом без устали твердила антисемитская пресса. Конечно, были среди них и миллионеры, о богатстве которых ходили легенды. Но таких было относительно немного...

ЛАЙОШ Хм...

ФЕРЕНЦ После того как в Венгрию вошли немецкие части – это произошло в марте 1944 года – фашистское отребье согнало евреев, живших в Хатване и окрестностях, на сахарный завод, а оттуда поезда смерти повезли их в Аушвиц-Биркенау... Среди венгров-христиан были такие, кто сочувствовал им... Некоторым помогали спрятаться, сбежать... (*Короткая пауза*) ... Но другие злорадствовали, насмеялись над ними...

ЛАЙОШ Вот скоты!..

ФЕРЕНЦ ... И тут же кинулись грабить их дома.

ЛАЙОШ Или селились в них.

ФЕРЕНЦ В оккупированной немцами стране евреи, которые столько сделали для родины, не могли понять, что происходит. Часто они не подозревали, что их ждет...

ЛАЙОШ Хм...

ФЕРЕНЦ Мой дедушка по отцу – с которым ты тоже был знаком – во время Второй мировой войны был офицером...

ЛАЙОШ Да-да... дядя Франц. К сожалению, его тоже давно нет...

ФЕРЕНЦ (*скорбно вздохнув*) Меня он очень любил... И я его, очень-очень! (*После короткой паузы, словно ему не хватает воздуха, продолжает*) А потом я узнал... узнал о нем... Он был кровавый... он был из тех, кого называют массовыми убийцами...

ЛАЙОШ Что?.. Твой дедушка!?

Измученная тишина. Мэри, ошеломленная, пытается что-то сказать, но ей это так и не удается

ФЕРЕНЦ Вот это и есть та невероятная вещь, о которой я до сих пор рассказал только психологу... И которая коренным образом изменила мою жизнь... (*Бросает горький взгляд на Мэри*) ... Нашу жизнь.

ЛАЙОШ Где ты это узнал!? Когда!?

ФЕРЕНЦ Погоди... все по порядку...

Ференц глубоко вздыхает, и в этот момент за стеной, в соседней квартире, группа «Сириус» с невероятной громкостью начинает исполнять какой-то номер с (выпущенного в Австралии) диска «Devil's Masquerade». Все трое невольно поворачиваются в ту сторону, откуда несется музыка

ФЕРЕНЦ (*пытается перекричать музыку*) Это сосед мой. Он недавно вернулся на родину, старый рокер, в кожаных штанах, хотя ему пятьдесят с лишним. Он обожает «Сириус», говорит, эта венгерская группа – лучший рок-ансамбль семидесятых годов...

ЛАЙОШ (*во весь голос*) Мне ужасно стыдно, но я даже не слышал о таком...

ФЕРЕНЦ (*тоже кричит*) «Если б не железный занавес, они стали бы мировыми звездами, стопудово!» – это сосед мне много раз говорил. Хотя в общем он вполне нормальный мужик... Мы с ним условились: пускай слушает, когда мы не мешаем друг другу... Но сейчас у нас – непредвиденный случай... Нет, так невозможно разговаривать!

Ференц вскакивает, подбегает к стене, стучит кулаком. Музыка замолкает; слышится крик: «Окей, сосед, олрайт!»; потом из соседней квартиры доносится: «Все, тишина». Ференц садится на диван.

ФЕРЕНЦ Словом, три года тому назад мой дрезденский дедушка умер; случилось это в сентябре 92-го. Несколько дней я его оплакивал; а в Дрездене, на похоронах, за спиной у меня оказались двое незнакомых – как потом выяснилось, отец и сын, – и они время от времени переговаривались шепотом; разумеется, по-немецки. Среди прочего, о моем дедушке было сказано следующее: «В свое время, ух, и зверь же он был!.. В

трудо­вом ла­гере Лангенбилау, на­при­мер, ему да­ли кличку Лю­доед». Услы­шав это, я огля­нул­ся... Да, и еще тот че­ло­век до­ба­вил, что слы­шал это от од­но­го ка­по. А ма­ма не­сколь­ко раз, по­мни­тся, по­ми­на­ла, что то­го мер­зав­ца, ко­то­рый в ок­тя­бре 44-го го­да, в Лангенбилау, при­стре­лил ба­буш­ку, за­клю­чен­ные на­зы­ва­ли Лю­дое­дом; на­сто­я­щее и­мя его до тех пор оста­ва­лось не­из­вест­ным.

ЛАЙОШ (*ошеломленный*) Ста­ло бы­ть, это­т...

ФЕРЕНЦ Из то­го, что бы­ло ска­за­но ше­по­том, я, са­мо со­бой, ма­ло что мог по­нять. Но сло­ва эти мне за­по­мни­лись.

Короткая пауза. Мэри осторожно целует Ференца

ФЕРЕНЦ По­сле по­хо­рон я по­до­шел к ним, пред­ста­вил­ся. Стар­ше­го зва­ли Гюн­тер Ве­бер; я спро­сил, хо­ро­шо ли он знал мо­е­го де­душ­ку?

ЛАЙОШ А он?!

ФЕРЕНЦ Он мне со­об­щи­л, что слу­жил в ро­те мо­е­го де­да и что зна­ком­ство они под­дер­жи­ва­ли и по­сле вой­ны; об­ыч­но они встре­ча­лись в Вен­грии, на Ба­ла­тоне, в Кест­хее. (*После небольшой паузы*) О смер­ти де­да и о вре­мени по­хо­рон он узнал из те­ле­но­во­стей. Те­бе ведь из­вест­но, что де­душ­ка мой был ху­до­ж­ни­ком.

ЛАЙОШ Ко­неч­но!

ФЕРЕНЦ В об­щем, это­т Гюн­тер Ве­бер, ко­то­рый в то­т мо­мент очень то­ро­пился, при­гласил меня к се­бе в го­сти, в Мюн­хен, что­бы там удо­в­лет­во­рить мо­е лю­бо­пыт­ство. Че­рез не­сколь­ко не­дель мне уда­лось ту­да по­ехать...

ЛАЙОШ Ты к не­му по­ехал?... И что?!

ФЕРЕНЦ У­же в на­чале раз­го­во­ра я спро­сил его про Лангенбилау. Про де­душ­ку мы зна­ли, что он до ко­н­ца вой­ны был на фрон­те... и вот это­т че­ло­век рас­ска­зал...

ЛАЙОШ Что рас­ска­зал?

ФЕРЕНЦ ... что в мае 44-го их обо­их с фрон­та пе­ре­ве­ли в Лангенбилау. Это бы­ло по­сле тя­же­ло­го ра­не­ния, ко­гда ока­за­лось, что для фрон­та они уже не­при­год­ны. Де­душ­ка, как гауптштурм­фюрер...

ЛАЙОШ То е­сть ко­ман­дир ро­ты...

ФЕРЕНЦ Да. Ко­ро­че го­во­ря, я узнал, что мой де­д и е­сть то­т са­мый «Лю­дое­д», ко­то­рый в Лангенбилау, сре­ди прочих, у­бил мо­ю ба­буш­ку по ма­те­ри!.. (*Встает*) Меня сло­вно об­ухом по го­ло­ве у­да­ри­ли...

ЛАЙОШ С ума сой­ти!

ФЕРЕНЦ ... все за­кру­жи­лось пе­ред гла­за­ми...

ЛАЙОШ Не­ве­ро­ят­но!

ФЕРЕНЦ А ма­ма мо­я, ко­гда встре­ти­ла в пя­ти­де­ся­тые го­ды, его не узнала. Де­ло в том, что в но­я­бре 44-го он по­про­сил­ся об­рат­но на фронт, а в де­ка­бре, в бит­ве при Ар­ден­нах, был ра­нен в ли­цо...

ЛАЙОШ Во вре­мя по­след­не­го не­мец­ко­го на­сту­п­ле­ния?

ФЕРЕНЦ Да... В общем, лицо ему, с помощью нескольких пластических операций, удалось как-то восстановить. Ни одной фотографии, которая была бы сделана до 45-го года, мы не видели: он говорил – и это вполне похоже на правду, – что в конце войны, в феврале 45-го, когда американцы совершали свои ковровые бомбардировки, все его бумаги сгорели... *(Ненадолго замолкает: мимо дома в этот момент с воем проносятся пожарные машины)* Дрезден столько бомбили в то время! Примерно пятьдесят тысяч человек погибли под бомбами, в основном – женщины и дети. Отец мой каким-то чудом уцелел, а его мать, моя бабушка, погибла... Но об этом мы уже говорили, еще мой отец тебе об этом рассказывал с горечью. Город в сущности был стерт с лица земли, уничтожены были даже исторические памятники, такие, как Цвингер... Конечно, бомбить газовые камеры... или железную дорогу, ведущую в концлагерь... это Белому дому было неинтересно!

ЛАЙОШ Как и их союзникам...

ФЕРЕНЦ Хм... Со стратегической точки зрения бомбежка Дрездена, как и Гамбурга, была такой же бесцельной, бессмысленной, как и вторая атомная бомба, сброшенная на Нагасаки...

ЛАЙОШ По правде говоря, и на Хиросиму-то не было особого смысла бомбу сбрасывать!

ФЕРЕНЦ *(кивает в знак согласия)* Они и без того могли бы показать Японии, да и Сталину-Джугашвили, что это такое – атомная бомба... *(Тяжело вздыхает)* Ну, а потом Вебер совсем разоткровенничался – вино он, пока мы разговаривали, без остановки пил, – и сказал, что весной 43-го... он и это только от других слышал... в общем, весной 43-го... *(голос Ференца полон скорби)* дед мой принимал участие еще и в расстреле обитателей Варшавского гетто! *(Тяжелая тишина. Ференц продолжает, с трудом подбирая слова)* Вебер, правда, немного по-другому выразился... Тут я не выдержал: вскочил и ушел, не прощаясь! *(Голос его становится жестче)* Не мог я больше слушать о том, что творил мой дед, Франц Байер! *(Немного помолчав)* Вот эти кошмары я и пытался... с помощью бокса... *(Замолкает; спустя какое-то время вновь начинает размышлять вслух)* Как бы сказать поточней?.. Нет, не загладить... Потому что загладить убийства, да еще такие убийства, – ничем нельзя! Даже если бы речь шла об одном-единственном убийстве...

ЛАЙОШ Никого из убитых не воскресишь!

ФЕРЕНЦ Им, если процитировать Семпруна, нужны только «чистый, братский взгляд и память»... Я не загладить все это хочу. Я хочу «всего лишь» делать добро, причем как можно больше! *(Голосом, полным надежды)* Если я стану известным, да еще если у меня появятся деньги, я смогу помогать тем, кто нуждается, кому не повезло в жизни! *(Взгляд его становится решительным)* Я стану чемпионом мира среди профессионалов, пускай даже сам дьявол встанет у меня на пути! *(Садится рядом с Мэри)*

Тяжелая тишина. Мэри с нежностью и сочувствием кладет руку Ференцу на колено, а тот, не задумываясь, берет ее руку и целует; затем Мэри, со слезами на глазах, кладет голову на плечо Ференцу, а тот бережно поднимает ее голову и целует растерянную женщину в губы. Мир между ними восстановлен

ЛАЙОШ (*после завершения этого немого эпизода; тактично глядя в сторону*) А как это после войны его не привлекли к ответственности?

Мэри уходит в ванную комнату

ФЕРЕНЦ (*отвечает не сразу*) Может, его трудно было узнать из-за ран на лице, из-за пластических операций ... А может, его имя случайно не попало в списки военных преступников...

ЛАЙОШ Хм...

ФЕРЕНЦ Да он, кажется, и не скрывался... Во всяком случае, я ни о чем таком не знаю. Хотя, конечно, можно предположить, что забился куда-нибудь... А когда понял, что его не ищут, вернулся на родину... И комфортно устроился в другом, тоже жестоком, диктаторском режиме. Премии получал, награды... Картины же свои – которые при жизни не продал и не подарил никому – завещал знаменитой галерее родного города... (*Показывает на полотно, висящее на стене*) Вот это, например, его картина.

ЛАЙОШ (*смотрит на картину*) Да, ты как-то мне говорил. Называется: «Первая встреча Зигфрида с Кримхильдой»...

ФЕРЕНЦ (*кивает*) Точно. На полотне изображен именно этот известный эпизод из Песни о Нибелунгах. Я уж думал, не убрать ли ее с глаз долой... Но потом все же решил оставить на месте. Чтобы не объяснять никому, почему ее нет.

ЛАЙОШ (*рассматривает полотно*) Н-да, впечатление производит, не поспоришь! Даже рядом с Ван Гогом выглядит вполне достойно.

ФЕРЕНЦ (*со злостью*) Эти подонки-нацисты и их подручные уничтожили шесть миллионов – ты способен такое понять?! – шесть миллионов евреев! О других неисчислимых жертвах я уж не говорю... И для этого построили в «цивилизованной» Европе целые фабрики смерти! Как могло случиться подобное?!

ЛАЙОШ Хм...

ФЕРЕНЦ Да, были среди этих шести миллионов и тунеядцы, и мошенники, и маньяки, одержимые страстью к собиранию денег... Но где ты найдешь такой сад, в плодах которого не заводились бы черви? А эти бесчеловечные злодеи, возглавляемые самим Антихристом, хотели, чтобы от оклеветанного, обездоленного, но с легендарным прошлым, библейского народа и памяти не осталось... Они даже младенцев не щадили!

ЛАЙОШ Ужас!

ФЕРЕНЦ (*задумавшись*) Это уже не ужас, а какая-то абстракция ужаса. Ужас, возведенный в степень... Они целый народ распяли на кресте!

ЛАЙОШ Народ, который дал миру, человечеству, например, Спинозу, Эйнштейна...

ФЕРЕНЦ И прежде всего – конечно, Иисуса. То есть в конечном счете – христианство, которое корнями своими глубоко уходит в иудаизм. А те, кто редактировал Евангелия – нет, не евангелисты! – руководствуясь какими-то своими интересами, говоря о смерти Иисуса на кресте, фальсифицировали реальность, исказили факты... и тем самым посеяли зерна антисемитизма. Много столетий спустя,

говоря об этой социальной болезни, более страшной, чем холера и чума... болезни, без которой и Холокост не был бы возможен, – Эйнштейн высказался таким образом: «Просто с ума сводит, что мы живем в такую эпоху, когда расщепление атома – более доступная вещь, чем преодоление какого-нибудь предрассудка».

ЛАЙОШ А по мнению Сартра, «Дело израэлиты будет наполовину выиграно, если только его друзья и защитники найдут в себе малую часть той страсти и той настойчивости, которые его враги тратят на то, чтобы его погубить».

ФЕРЕНЦ Это он сказал в своей книге «Размышления о еврейском вопросе».

ЛАЙОШ Да, она как-то случайно попала мне в руки...

ФЕРЕНЦ Эти язычники, нацисты и их подельники, таким образом, распяли на кресте целый народ; и за массовой гибелью этой – на первый взгляд – не очень видны индивидуальные судьбы, страдания и муки отдельных людей... Мученическая смерть одного человека – трагедия. А гибель шести миллионов – статистика...

Мертвая тишина, полная скорби. В комнату возвращается Мэри. Ференц подходит к магнитофону, меняет кассету; и как только он включает магнитофон, из всех репродукторов в полную силу льется музыка: песня Джона Леннона «Imagine». Одновременно опускается

Занавес

Конец пьесы